

Бурханов Рафаэль Айратович

МЕТАФИЗИКА И АНТРОПОЛОГИЯ "СЕРДЦА" И "СЕРДЕЧНОЙ ЛЮБВИ" И. А. ИЛЬИНА

Статья посвящена анализу метафизики и антропологии "сердца" и любви Ивана Александровича Ильина (1883-1954 г.). Особое внимание уделяется рассмотрению основоположений "философии духовного опыта", ее глубокого родства с религией. Подчеркивается, что разработанное русским мыслителем учение о "сердечной любви" впитало в себя духовное богатство отечественной религиозной философии и православной культуры. В его концепции любовь понимается как действующая в человеке вселенская сила, экзистирующая к глубинам собственного бытия и трансцендирующая к Богу.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/2/10.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 2(76) С. 45-48. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 101.1

Философские науки

Статья посвящена анализу метафизики и антропологии «сердца» и любви Ивана Александровича Ильина (1883-1954 гг.). Особое внимание уделяется рассмотрению основоположений «философии духовного опыта», ее глубокого родства с религией. Подчеркивается, что разработанное русским мыслителем учение о «сердечной любви» впитало в себя духовное богатство отечественной религиозной философии и православной культуры. В его концепции любовь понимается как действующая в человеке вселенская сила, экзистенцирующая к глубинам собственного бытия и трансцендирующая к Богу.

Ключевые слова и фразы: философия; религия; метафизика; антропология; Бог; человек; предметность; очевидность; разум; сердце; любовь; духовный опыт.

Бурханов Рафаэль Айратович, д. филос. н., профессор
Сургутский государственный университет
ra.nvarta@gmail.com

МЕТАФИЗИКА И АНТРОПОЛОГИЯ «СЕРДЦА» И «СЕРДЕЧНОЙ ЛЮБВИ» И. А. ИЛЬИНА

В самом общем виде метафизика представляет собой учение о сверхчувственных началах и принципах бытия. В европейской культуре и философии сформировались два основных способа постижения сущего. Первый – «метафизика разума» – акцентирует внимание на возможностях рационально-рассудочного познания бытия, второй – «метафизика сердца» – стремится постигнуть глубины мироздания посредством эмоционально-образных представлений и экзистенциальных переживаний. Это духовное узрение и душевное постижение феномена «сердца», сквозь призму которого осуществляются размышления о предельных основаниях мира и человека.

Идея «сердца» как центра духовной, душевной и телесной жизни служит метафизической предпосылкой философской антропологии, т.е. целостного учения о человеке. Этот емкий символ объединяет в одно целое духовное и телесное, рациональное и чувственное, культурное и природное, женское и мужское. Как проявление феномена «головой» ум укоренен в «сердце», которое соединяет в себе любовь и познание [10, с. 435].

Оригинальную концепцию метафизики и антропологии «сердца» и «сердечной любви» разработал Иван Александрович Ильин (1883-1954 гг.). Его философия представляет собой, во-первых, опытное знание о мире и человеке, а во-вторых, науку о духе. Речь здесь идет не об эмпирическом опыте, характерном для позитивных наук, а об опыте нечувственном: ведь подлинная философия творится духовным опытом, имеет дело с нечувственным содержанием, а через него – со сверхчувственным предметом [7, с. 43-45].

Философия как метафизика, утверждает русский мыслитель, стремится познать божественную сущность во всех явлениях, событиях и предметах окружающего мира; посредством этого она восходит к постижению самого Бога, тем самым обнаруживая глубокое родство с религией [11, с. 422-423]. Но, в отличие от религии, такая философия есть разновидность «внутреннего делания», т.е. теория и практика сосредоточения индивидов на переживаемом непосредственно ими духовном опыте. Она нуждается в чуткости, терпимости и «сердечном созерцании», а также в подлинном религиозном опыте [6, с. 503].

В содержании религиозного опыта И. А. Ильин выделяет феномены цельности веры, «сердечного созерцания», предметности, самодеятельности, смирения, трезвости, автономии, покаяния, катарсиса (духовного очищения). В «цельности веры» и «сердечном созерцании», которые определяют важнейшие особенности православного религиозного опыта, реализуется не только богословское, но и философское содержание.

В свою очередь, религиозный опыт включает в себя три компонента: религиозный предмет, религиозный акт и религиозное содержание. Предметом религии является Божество, предметом религиозного акта – такое душевное состояние человека, которое возникает в результате его общения с Богом, а содержанием религии служит то, что воспринято в любви к Богу религиозно настроенной душой [9, с. 498-499, 506-508].

«Дескриптивный метод» исследования И. А. Ильина имеет много общего с «феноменологическим методом» Э. Гуссерля: оба они считают, что анализу предметов должно предшествовать «интенсивное погружение» в их содержание. Но если австрийский мыслитель анализирует познавательные способности субъекта, фактически сводя логическое содержание философии к «строгой науке», то русский мыслитель анализирует весь комплекс «душевных сил» и «способностей» человека, тем самым сводя имманентное содержание философии к философской антропологии.

Предметность – первое фундаментальное понятие в учении И. А. Ильина, по своему содержанию оно родственно понятию интенциональности в учении Э. Гуссерля [1, с. 262]. Предметность характерна для всех сфер жизни людей, говорит отечественный философ, она существенный и неотъемлемый признак всех форм их духовного опыта, их направленности на очевидность.

Очевидность – вторая основополагающая категория «философии духовного опыта». Если очевидность у Э. Гуссерля есть логически обобщенный опыт сущего, т.е. обращенность взора исследователя к сущему как таковому [2, с. 337], то очевидность у И. А. Ильина представляет собой особое состояние человеческой души. Постигание очевидности требует от людей дара многообразного созерцания, способности к состраданию,

чувства ответственности, искусства вопрошания и творческого сомнения, воли к удостоверению результатов познания и любви к предмету [6, с. 500-502]. Человеческая личность есть вместилище и обобщение духовного опыта, прежде всего, опыта религиозного, наличие которого позволяет осмыслить и пройти «путь к очевидности» – путь к духовным сущностям, к Абсолюту, к Богу.

Философская концепция И. А. Ильина не только метафизична, но и антропологична, ибо подлинный предмет ее исследования не только Бог, но также человек в конкретном многообразии своих «душевных сил», способностей и отношений. От природы людям свойственны чувственные восприятия, рациональное мышление, воля, инстинкт, жизнь чувства и сила воображения [Там же, с. 538-540].

Современная цивилизация, подчеркивает русский мыслитель, основана на *чувственных восприятиях*, считая их источником постижения внешнего мира; над совокупностями ощущений возвышается индуктивное *рациональное мышление*, без которого невозможны техника и породившее ее естествознание. То, что производится этими способностями, затем передается *инстинкту* и *воле*, формирующим из них хозяйственный уклад и государственно-политический строй. При этом используется и *сила воображения*, которая подвергается жесткому контролю рассудочной *мысли* и логики *машины*. И только «*сердечному чувству*» нет места в нынешней официальной культуре, в зависимости от потребностей личности оно находит применение лишь в сфере частной жизни.

Но чувственные ощущения сами по себе слепы духовно и бессильны творчески, поэтому им необходимо высшее, целесообразное и сознательное руководство. Если его нет, то чувственные восприятия и устремления служат только телу, его безудержной похоти, инстинктам самосохранения и размножения, поползновениям жадности и корысти. Это проявляется в экономической конкуренции и жажде наживы, а также в литературе и искусстве модернизма, которые негативным образом влияют на культуру.

«*Культура* есть явление *внутреннее* и *органическое*, – пишет И. А. Ильин, – она захватывает самую глубину человеческой души <...> Этим она отличается от *цивилизации*, которая может усваиваться внешне и поверхностно и не требует всей полноты душевного участия» [4, с. 306]. Духовный климат современного общества определяется *теоретическим мышлением*, что, безусловно, приводит к успехам в научном познании. Но такой абстрактно взятый «научный прогресс» безразличен к духовному развитию людей, поскольку сама по себе абстрактная мысль *бессердечна* и *бездуховна*.

Вплоть до начала XX в. теоретическое мышление считали величайшей силой просвещения и доказательства, органом Истины, отождествляя его с Разумом. Но оказалось, что такое «чистое» мышление бездуховно само по себе и бесплодно в деле «сердечного созерцания». Превратившись в скептический и пошлый рассудок и став на путь разрушения и соблазна, сегодня оно является органом лжи и мнимых «доказательств», орудием основанной на обмане губительной пропаганды, одним словом – величайшей опасностью для всего человечества.

Напротив, в Разуме, который соединяет в себе рассудок и «сердечное чувство», заключена энергия созидания; в нем содержится особый *порыв*, цель которого – познать метод постижения Истины. Разум призван помочь «сердцу», наделяя его чувством ответственности в познании; он дает религиозному опыту истинную мысль и умную любовь к Божеству. Разум – это прозорливость творческого восприятия мира и сила оценки его единства, разъединения и упорядочения; он обладает способностью к концентрации и силой интуиции. В его власти постигнуть единство бытия и целесообразно оформить многообразие сущего. Следовательно, разум нельзя сводить только к абстрактному мышлению или рассудку: «Умный – это умный человек в целом: у него также умное сердце, умная воля, умная фантазия. <...> Только тогда дышит в нем *сущность мира*, только тогда его разум становится мудростью» [8, с. 163].

В свою очередь, присущий людям *инстинкт*, утверждает философ, тоже является великой силой, таинственной и изумительной, способной принести индивидам большую пользу. Но когда эта сила не направлена на *социальную жизнь* и игнорирует *духовную жизнь*, она превращает человека в орудие человекоживотности, гибкое, цепкое, изворотливое и лукавое. Когда же в человеческом инстинкте пробуждается око духа, он проявляет свою подлинную мощь и полноту способностей. Тогда из инстинкта светится духовность, а сам он облекается в дух.

Взятая сама по себе *воля* человека есть способность решать и выбирать, но истинного критерия и предпочтения для выбора она не имеет. Это сила бездуховная и формальная, холодная и безлюбивая; она порождает беспринципную и жесткую власть, которая ведет к дьяволу, а не к Богу.

Наконец, предоставленное самому себе *воображение* является развлекающей и приятной способностью человека. Создавая образы окружающего мира, угрожая основным на инстинкте желаниям и жажде удовольствий, оно подвижно, безответственно и капризно. Даже случайно возносясь в сферу духа, воображение остается бездуховным и лишенным творческого созерцания.

Но есть такая сила, подчеркивает И. А. Ильин, которая направляет и сообщает духовную предметность всем способностям человека, объединяя его внутренние силы, насыщая их принципиально новым содержанием, придавая им активную творческую форму. Это «сердце» – интенция духовной любви к подлинно прекрасным и истинно ценным предметам. Дело духовной любви есть дело верного и окончательного жизненного выбора [6, с. 540].

Вот почему первым сущностным феноменом людей является духовное «*сердечное созерцание*», от уровня развития которого зависит уровень развития личности и всей человеческой культуры [4, с. 310]. Обладающий таким созерцанием индивид способен духовно чувствовать мир. «Созерцание сердца», или кардиогазис, на основе духовной любви к достойным и возвышенным предметам – наивысшая способность человека в постижении мироздания и самого себя, в том числе в философии и религии. «Когда человеческая любовь избирает себе такое жизненное созерцание, которым действительно сто́ит жить и за которое сто́ит

и умереть, – говорит И. А. Ильин, – то она становится *духовной любовью*. Если же духовная любовь овладевает человеческим воображением <...> и указывает ему достойный предмет, то человек отдается *сердечному созерцанию*: в нем образуется новый, чудесный орган духа <...> творчества, познания и жизни, который вносит и окрыляет его» [6, с. 541-542].

Второе сущностное определение человека, полагает русский мыслитель, – это *любовь* – духовная способность утверждать, принимать и творить. Такая любовь противостоит телесной похоти, абстрактному рассудку, холодной воле и легкомысленному воображению [4, с. 308]. Для духовной любви характерны: во-первых, сосредоточение интереса и внимания на любимом существе; во-вторых, интенсивная душевная жизнь (богатство души, пронизательность, радость, интуитивное постижение предмета любви); в-третьих, центрированность на содержании любви. Духовная любовь – это как бы призыв, вздох, молитва, которая живет в глубине «сердца», т.е. некий голод души по Абсолютному, Божественному, в какой бы форме он ни проявлялся.

Таким путем формируются высшие духовные органы людей. Любовь преобразует холодное *воображение* в «*сердечное созерцание*», в духовное *предметное видение*, из чего формируется *религиозная вера*. Любовь превращает абстрактную рассудочную мысль в живое созерцание и дает ей способность *предметной очевидности*. Любовь укрепляет *волю*, которая посредством этого становится могучим органом *совести*. Любовь освящает и очищает *инстинкт* и открывает в нем некое *духовное око*. Любовь облагораживает и углубляет *чувственные восприятия*, наделяя их смыслом художественного образа и заставляя служить высокому искусству [6, с. 541].

Каждый человек, полагает И. А. Ильин, имеет дело с внешним и внутренним опытом. *Внешний опыт* прикрепляет нас к чувственным состояниям и восприятиям. Зрение, слух, обоняние, осязание в полной мере позволяют воспринимать окружающий мир, постигать его посредством ощущений, пространственно-временных созерцаний. Поскольку мир предстает перед нами как совокупность материальных вещей, то другие индивиды тоже воспринимаются как совокупность живых тел. Поскольку голод, холод, телесные страдания и страсти представляются нам самыми важными состояниями людей, то сама любовь первоначально воспринимается как полая страсть и чувственная влюбленность.

Внутренний опыт, напротив, уводит человека от чувственных состояний и ощущений и открывает ему другой мир, постигаемый духовно, т.е. нечувственно. Неразрывно связанная с телесной оболочкой душа способна не отзываться на телесные соблазны и зовы, не проявлять к ним интерес, т.е. идти не к ним, а через них, к постигаемым нечувственно состояниям и явлениям мира. Если это происходит, то все материальное, вещественное и телесное превращается в *символ* иных, трансцендентных телу и его природной жизни, субстанциальных состояний и явлений, на которых способно сосредоточиваться наше внимание. Это мир *души человека* в ее не обусловленных телом желаниях, интересах, фантазиях и помыслах, где люди суть свободные духовные сущности, раскрывающие для других свою внутреннюю жизнь; мир, где любовь характеризует духовный облик человека, а чувственные страсти, обожествляясь и одухотворяясь, становятся неким подобием священного трепета [3, с. 30].

Следовательно, для человека возможно лишь одно подлинное счастье – «пение сердца». Человек с таким «сердцем» имеет все, точнее, почти все, поскольку должен позаботиться лишь о том, чтобы не допустить разочарования в любимом предмете. Сердце поет от духовной любви, струящейся живым благодатным потоком из Божьих пространств. Оно поет, когда любит, когда вбирает любовь из глубин бытия и дарит ее другим тварям, живым или разумным существам [5, с. 375].

Таким образом, разработанная И. А. Ильиным метафизика и антропология «сердца» впитала в себя духовное богатство отечественной религиозной философии и православной культуры. В его концепции любовь понимается не только как индивидуальное чувство и телесное влечение, но, прежде всего, как экзистенциал, как действующая в человеке божественная, вселенская сила, объединяющая его с другими людьми, экзистенцирующая к глубинам собственного бытия и трансцендирующая к Богу.

Список литературы

1. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Академический проект, 2009. Кн. 1. 489 с.
2. Гуссерль Э. Картезианские размышления // Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. С. 324-523.
3. Ильин И. А. Из книги «О тьме и просветлении». О чтении и критике // Ильин И. А. Одинокий художник. М.: Искусство, 1994. С. 17-38.
4. Ильин И. А. Основы христианской культуры // Ильин И. А. Одинокий художник. М.: Искусство, 1994. С. 291-336.
5. Ильин И. А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Русская книга, 1994. Т. 3. С. 227-380.
6. Ильин И. А. Путь к очевидности // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Русская книга, 1994. Т. 3. С. 381-560.
7. Ильин И. А. Религиозный смысл философии. Три речи. 1914-1923 // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10-ти т. М., 1994. Т. 3. С. 15-88.
8. Ильин И. А. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Русская книга, 1994. Т. 3. С. 89-226.
9. Кураев В. И. И. А. Ильин: философия духовного опыта // История русской философии: учебник для вузов / редкол.: М. А. Маслин и др. М.: Республика, 2001. С. 497-509.
10. Стрельцова Г. Я. Сердца метафизика // Русская философия: словарь / под общ. ред. М. А. Маслина. М.: Республика, 1995. С. 435-438.
11. Яковенко Б. В. История русской философии. М.: Республика, 2003. 510 с.

I. A. ILYIN'S METAPHYSICS AND ANTHROPOLOGY OF "HEART" AND "HEARTY LOVE"

Burkhanov Rafael' Airatovich, Doctor in Philosophy, Professor
Surgut State University
ra.nvarta@gmail.com

This article analyzes metaphysics and anthropology of "heart" and love of I. A. Ilyin (1883-1954). Particular attention is paid to the fundamental principles of "spiritual experience philosophy", its deep relationship with religion. It is emphasized that the doctrine of "hearty love" developed by the Russian thinker absorbed spiritual wealth of national religious philosophy and Orthodox culture. In this conception love is understood as a universal force acting in a man, existing to depths of its own being and transcending to the God.

Key words and phrases: philosophy; religion; metaphysics; anthropology; God; man; thingness; obviousness; mind; heart; love; spiritual experience.

УДК 101.1

Философские науки

Статья посвящена анализу проблемы человека в трансцендентальной философии Иммануила Канта (1724-1804 гг.). Отмечается, что он впервые в истории мысли создал классическую философскую антропологию – целостное учение о человеке как разумном, познающем и деятельном существе. Особое внимание уделяется рассмотрению трех кантовских «вопросов о человеке», ответы на которые возможны в рамках метафизики, морали и религии. Подчеркивается, что учение о человеке немецкого мыслителя есть трансцендентальная антропология.

Ключевые слова и фразы: философия; антропология; человек; метафизика; мораль; религия; трансцендентальное; трансцендентное; априорное; апостериорное; чувственность; рассудок; разум; познание; воление; пространство; время; категория; категорический императив.

Бурханов Рафаэль Айратович, д. филос. н., профессор
Сургутский государственный университет
ra.nvarta@gmail.com

ЧЕЛОВЕК В ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ ИММАНУИЛА КАНТА

Формирование классической философской антропологии связано с творчеством *Иммануила Канта* (1724-1804 гг.). Исходя из дихотомии естественной необходимости и нравственной свободы, он разграничил антропологию в «физиологическом» отношении, где человек рассматривается как природное существо, и антропологию в «прагматическом» отношении, где человек исследуется как деятельное и свободное существо [1, с. 351].

Разъясняя эти мысли, Кант писал: «Все интересы моего разума... объединяются в следующих трех вопросах: 1. *Что я могу знать?* 2. *Что я должен делать?* 3. *На что я могу надеяться?*» [5, с. 661]. Великий кенигсбержец добавил к ним четвертый вопрос: «*Что такое человек?*», объявив его самым важным вопросом философии, к которому могут быть сведены три предыдущих [6, с. 332].

По его мнению, человеку присущи от природы: во-первых, задатки животности как живого существа, во-вторых, задатки человечности как живого и разумного существа, в-третьих, задатки личности как разумного и свободного существа [9, с. 96-98].

Первый вид задатков, общих человеку с животными, – способности физического и просто механического себялюбия, для которых не нужно разума. Эти задатки реализуются в его стремлении к сохранению себя и продолжению рода через общение с представителями противоположного пола. Второй вид задатков, свойственных только человеку, – способности физического и сравнительного себялюбия, для которых нужен разум. Они реализуются в его стремлении добиваться уважения в отношениях с другими индивидами и не позволять никому превосходства над собой. При извращении целей природы эти способности могут стать пороками. Третий вид задатков, также присущих только людям, – способности на основе свободной воли следовать моральным принципам. В отличие от первого и второго видов задатков, этим способностям не свойственны злые устремления, так как их реализация предполагает творение добра.

Все виды задатков развиваются через взаимный антагонизм людей, который является причиной их законосообразности в обществе. Под антагонизмом немецкий мыслитель понимал недоброжелательную и даже враждебную общительность индивидов, т.е. их потребность вступать во взаимное общение, связанную с всеобщим сопротивлением, которое угрожает обществу разъединением.

Предпосылки этого содержатся в природе человека. Во-первых, он имеет склонность общаться с другими людьми, поскольку таким образом может развивать свои способности. Во-вторых, ему присуще стремление уединяться, изолироваться и все сообразовывать, исходя из своего разумения [2, с. 11].

Человек, считал Кант, принадлежит двум мирам. Как член феноменального мира он подчиняется внешней естественной причинности, т.е. природным законам и общественным установлениям. Но как член ноуменального мира он обладает внутренней моральной свободой [8, с. 297]. В качестве субъекта, наделенного способностью к мышлению и стремящегося к познанию, человек применяет *теоретический разум*, а в качестве субъекта, наделенного волей и стремящегося к действию, – *практический разум*.